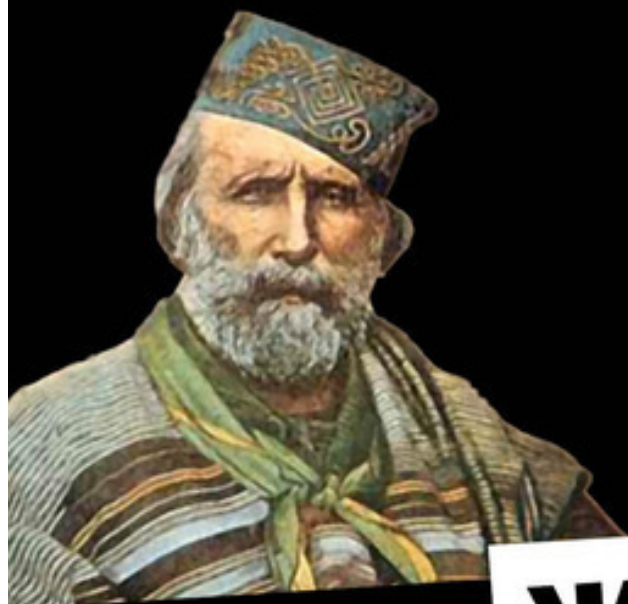

Проза
великих

ЖИЗНЬ

**ДЖУЗЕППЕ
ГАРИБАЛЬДИ**

**РАССКАЗАННАЯ
ИМ САМИМ**

Джузеппе Гарибальди

**Жизнь Джузеппе Гарибальди,
рассказанная им самим**

«Алисторус»

УДК 14
ББК 87.7

Гарибальди Д.

Жизнь Джузеппе Гарибальди, рассказанная им самим /
Д. Гарибальди — «Алисторус»,

ISBN 978-5-4438-0749-2

Итальянский народный герой Джузеппе Гарибальди прожил бурную жизнь. Не зря его назвали Че Геварой XIX века – корсар, революционер, масон, народный вождь и в то же время простой земледелец, школьный учитель, моряк, радеющий о благе своих соотечественников. Он призывал на «священный бой» за объединение Италии, и тысячи людей пошли за ним. Даже супруга Анита, которая сопровождала его всюду, сражалась бок о бок с мужем и умерла у него на руках, измученная тяготами и лишениями. Когда же Гарибальди решил писать книги, даже сам Дюма-старший почел за честь стать соавтором при работе над автобиографией героя. Получив от итальянца «добро», Дюма перевел мемуары на французский язык, изрядно их приукрасив. Человек-легенда Джузеппе Гарибальди рассказал обо всех перипетиях своей удивительной судьбы в этой книге.

УДК 14
ББК 87.7

ISBN 978-5-4438-0749-2

© Гарибальди Д.
© Алисторус

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7[16]	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	28
Глава 14	31
Глава 15	34
Глава 16	35
Глава 17	38
Глава 18	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Жизнь Джузеппе Гарибальди, рассказанная им самим

Книга первая

Глава 1 Мои родители

Прежде чем начать рассказ о моей жизни, я должен упомянуть о моих добрых родителях, чьи душевные качества и любовное ко мне отношение имели большое влияние на мое воспитание и физическое развитие.

Отец мой¹, сын моряка и с раннего детства сам моряк, не обладал, конечно, теми познаниями, которые украшают в наше время людей его звания. В молодости он служил на кораблях моего деда, а потом стал водить собственные суда. Ему пришлось испытать немало превратностей судьбы, и мне нередко приходилось слышать рассказы отца о том, что он мог бы оставить нас более обеспеченными. Однако я глубоко благодарен ему и за то, что он оставил мне, ибо глубоко убежден, что отец не пожалел ничего для моего воспитания, даже в то время, когда он находился в стесненных обстоятельствах и когда воспитание детей при его весьма скромном достатке было, конечно, тяжелым бременем.

Если мой отец не дал мне более разностороннего воспитания, не обучал меня гимнастике, фехтованию и другим физическим упражнениям, то в этом виновато само время: тогда под влиянием наставников из духовенства предпочитали делать из молодых людей скорей монахов и законников, чем достойных граждан, обученных полезному и мужественному делу и способных служить своей обездоленной стране.

Впрочем отец горячо любил своих детей и потому боялся, как бы их не привлекло к себе военное поприще.

Эти опасения моего дорогого отца, порожденные чрезмерной привязанностью, – единственное, что я могу поставить ему в упрек. Ибо из страха, что я слишком молодым столкнусь с трудностями и опасностями моря, он до пятнадцати лет, вопреки моим склонностям, не позволял мне заняться мореплаванием.

Это не было мудрым решением. Ныне я убежден, что моряк должен приобщаться к своему занятию с самого раннего возраста, если можно еще до восьми лет, руководствуясь в этом прежде всего примером лучших мореплавателей – генуэзцев и особенно англичан.

Нужно признать порочной систему, при которой молодых людей, решивших посвятить себя мореплаванию, обучают в Турине или Париже, а затем, когда им уже минет двадцать, посылают на корабли. Я считаю более разумным, чтобы они обучались на кораблях и одновременно практиковались бы на них в мореплавании.

А моя мать! Я с гордостью утверждаю, что она могла служить образцом для матерей, – думаю, что этим сказано все.

Одним из самых тяжелых огорчений моей жизни было то, что я не смог скрасить последние дни моей доброй родительнице, которой моя скитальческая жизнь доставила столько горестных минут.

¹ Отец героя – Доменико Гарибальди родился 9 июня 1766 г.; с 1780 г. жил в Ницце. О предках Гарибальди известно, что не только его дед, но и прадед был морским капитаном и судостроителем.

Быть может, она относилась ко мне с чрезмерной нежностью. Но не обязан ли я ее любви и ее ангельскому характеру тем немногим, что есть во мне хорошего? Не обязан ли я ее добросердечию и любви к ближнему, ее милосердию и искреннему состраданию к несчастным и страждущим той любовью к родине, быть может и недостаточной, которая привлекла ко мне симпатии и привязанность моих несчастных, но достойных соотечественников?

Я отнюдь не суеверен, но нередко в самые трудные минуты моей беспокойной жизни, когда я выходил невредимым из ожесточенных сражений или океанских бурь, мне являлась моя обожаемая мать – преклонившая колени перед ликом Спасителя и молящаяся за жизнь порожденного ею... И хотя я мало верю в силу молитвы, я бывал тронут ею, становился счастливым или менее удрученным!

Глава 2

Мои ранние годы

Я родился 4 июля 1807 г. в Ницце, в глубине гавани Олимпио, в доме над морем. Мое детство я провел, подобно другим детям, среди игр, смеха и слез, обнаружив большую склонность к забавам, чем к учению.

Я не воспользовался должным образом теми заботами и расходами, на которые пошли мои родители, чтобы воспитать меня. В моей юности не случилось ничего особенного. У меня было доброе сердце, и следующие случаи, как бы они ни были незначительны, подтвердят это.

Однажды я поймал кузнечика. Принеся его домой, я начал играть с ним и оторвал бедняге ногу. Я так опечалился, что, запершись в комнате, долго и горько плакал.

В другой раз мы были на охоте в Варо с моим двоюродным братом. Я остановился у края глубокой ямы, в которой обычно вымачивали коноплю и в которой какая-то бедная женщина тогда стирала белье. Не знаю, каким образом эта женщина упала головой в воду и стала тонуть. Хотя я был тогда еще ребенком и к тому же мне мешал ягдташ, я бросился в воду и спас ее. Впоследствии всякий раз, когда речь шла о чьей-либо жизни, я никогда не медлил с помощью, даже с риском для самого себя.

Моими первыми учителями были два священника. Я думаю, что своим низким культурным и физическим уровнем итальянцы обязаны главным образом этому вредному обычаю. О моем третьем учителе, синьоре Арена, преподававшем мне итальянский язык, каллиграфию и математику, я сохранил теплые воспоминания.

Если бы я был более рассудительным и мог предположить, что в будущем мне придется общаться с англичанами, я старательнее изучал бы их язык, в чем мне мог помочь второй учитель, отец Джауме, свободный от предрассудков священник, великолепно знавший прекрасный язык Байрона.

Мне всегда было досадно, что я не изучил как следует английский язык, когда у меня была такая возможность; эту досаду я испытывал снова всякий раз, когда жизнь сталкивала меня с англичанами.

Своими немногими познаниями я обязан синьору Арена, человеку светскому; я навсегда сохранил к нему чувство благодарности, особенно за то, что он обучал меня родному языку и римской истории.

Отсутствие серьезного обучения, в том числе отечественной истории – порок, присущий всей Италии, но особенно он дает о себе знать в Ницце, пограничном городе, который, к несчастью, столько раз оказывался под французским владычеством.

В моем родном городе, даже во времена, когда писались эти строки (1849), немногие сознавали себя итальянцами. Большой наплыв французов, распространение диалекта, весьма похожего на провансальское наречие, и бездействие правителей, для которых народ существует только для того, чтобы грабить его и брать его сыновей в солдаты, – таковы причины, делавшие жителей Ниццы совершенно безразличными к патриотическому движению и облегчившие духовенству и Бонапарту в 1860 г. возможность оторвать эту прекрасную ветвь от материнского ствола².

Итак, своими скромными познаниями в итальянском языке я отчасти обязан этому первому знакомству с отечественной историей, а также моему старшему брату Анджело, который, находясь в Америке, настойчиво советовал мне изучать этот прекраснейший из языков.

² В марте 1860 г. Ницца отошла к Франции – в соответствии с тайным соглашением между Пьемонтом и Францией, заключенным накануне австро-франко-итальянской войны 1859 г.

Повествование об этом первом периоде моей жизни я закончу коротким рассказом об эпизоде, явившемся предвестником будущих приключений.

Устав от школы, измученный постоянным пребыванием в четырех стенах, я предложил однажды нескольким моим сверстникам бежать в Геную без определенной цели, но в сущности для того, чтобы попытаться счастья. Сказано – сделано. Мы берем лодку, запасаемся кой-какими припасами и рыболовной снастью, и вот – лодка плывет на восток. Мы были уже в море у Монако, когда нас настиг какой-то корсар, посланный вдогонку моим добрым отцом, и привел нас, совершенно пристыженных, домой.

Нас, беглецов, выдал аббат. Посмотрите, какое сочетание: аббат, будущий священник, помог, возможно, моему спасению, а я в своей неблагодарности поношу этих бедных священников. Как бы то ни было, духовенство – это обманщики, я же посвятил себя святому культу истины.

Вместе со мной в побеге участвовали Чезаре Пароди, Раффаэле Деандреис; остальных я не помню.

Здесь мне следовало бы рассказать о молодежи Ниццы, – находчивой, сильной, смелой, – которая могла бы прекрасно послужить на гражданском и военном поприще. К сожалению, ее увлекли на ошибочный путь сначала духовенство, а потом разврат, насаждавшийся иноземцами, которые превратили эту прекраснейшую «Чимеле деи романи»³ в космополитический рассадник всякого порока.

³ Cimele dei romani («Реликвия римлян») – распространенное название Ниццы.

Глава 3

Мои первые путешествия

Юности, жаждущей броситься в неведомые приключения, все рисуется в радужном свете. Как прекрасна была ты, «Костанца», на которой мне суждено было впервые бороздить Средиземное, а затем Черное море! Твои крепкие борта, стройный рангоут, просторная палуба и женский бюст на носу навсегда врезались в мою память. Как грациозно гребли твои санремские моряки – истинный тип наших отважных лигурийцев!⁴ С каким восторгом я бросался на мостик, чтобы услышать их народные песни, их гармонические хоры. Они пели о любви, и я был тогда восхищен, растроган по ничтожному поводу. О, если бы они пели мне о родине, об Италии, о ее невыносимых страданиях! Внушил ли кто-нибудь им, что нужно быть патриотами, итальянцами, борцами за человеческое достоинство? Сказал ли кто-нибудь нам, юношам, что у нас есть родина, Италия, за свободу и возрождение которой нужно бороться? Это сделали, может быть, священники, наши единственные учителя? Нет, мы росли как торговцы, будучи убеждены, что золото – это единственная награда, единственная цель жизни.

И вот, опечаленная мать собирала мне вещи для плавания в Одессу на бригантине «Костанца», которой командовал Анджело Пезанте из Сан-Ремо – лучший морской капитан, которого мне приходилось встречать.

Если бы наш военный флот увеличился должным образом, капитану Анджело Пезанте следовало бы поручить командование одним из первых военных судов, и вряд ли нашелся бы командир лучше его. Пезанте не приходилось командовать военным флотом, но я убежден, что на любом судне – от барки до боевого корабля – он сделал бы все необходимое, чтобы отстаивать честь Италии.

Здесь я должен сказать, что в случае войны на море нашей стране следует положиться на свой торговый флот: он воспитывает не только мужественных моряков, но и доблестных офицеров, способных выполнить свой долг в сражениях.

Свое первое плавание я совершил в Одессу. Такие плавания стали настолько обычными, что нет надобности описывать их. Второе плавание я совершил в Рим вместе с моим отцом на борту его собственной тартаны «Санта Репарата».

Рим! Он представлялся мне столицей мира, а ныне – это столица самой отвратительной из сект! Столица мира – о ней напоминают громадные, прекрасные руины – остатки великого прошлого! Город, бывший когда-то пристанищем секты последователей Праведника, который разорвал узы рабства, утвердил и облагородил человеческое равенство. Его благословляли бесчисленные поколения, устами священников, апостолов народного права; ныне же они превратились в вырождков, в трутней, в подлинный бич Италии, которую они продавали иноземцам бесчисленное количество раз!

Нет, тот Рим, рисовавшийся моему юношескому воображению, был Римом будущего, который я, заброшенный в дебри американских лесов, умиравший, терпевший кораблекрушение, уже отчаялся когда-нибудь увидеть!

Рим, с которым связана идея возрождения великого народа! Идея, на которую меня вдохновили прошлое и настоящее и которая стала главкой идеей всей моей жизни.

С того времени Рим стал для меня дороже всего на свете. Я восхищался им со всем пылом моей души – и не только его гордыми бастионами, свидетельством многовекового величия, но и последними его развалинами.

⁴ Лигурия – побережье Лигурийского моря на севере Италии; Сан-Ремо – порт на этом побережье.

Мое сердце таило в себе ценнейший клад – мою любовь к Риму. Я давал ей выход лишь тогда, когда мог горячо восхвалять предмет моего поклонения. Изгнание и дальность расстояния не ослабили моей любви к Риму, но, напротив, укрепили ее. Часто, очень часто меня делала счастливым мысль о возможности увидеть его еще раз.

Наконец, Рим для меня – это вся Италия, а я представляю себе Италию не иначе, как в виде единого целого или союза, объединяющего ее разрозненные части. Рим – это символ единой Италии, в какой бы форме ни хотели видеть ее.

И самое преступное деяние папства состояло в том, что оно стремилось удержать Италию в состоянии территориальной и духовной разобщенности.

Глава 4

Другие плавания

Я совершил с отцом еще несколько плаваний, а затем отправился с капитаном Джузеппе Джервино в Кальяри на бригантине «Энеа». Во время этого плавания я был свидетелем ужасного кораблекрушения, которое оставило неизгладимый след в моей памяти.

Возвращаясь из Кальяри, мы достигли мыса Ноли, где оказались и другие суда, в том числе каталонская фелюга.

В течение нескольких дней дул грозный Ливийский ветер, и на море разыгрался шторм; ветер стал таким яростным, что принудил нас пристать в Вадо, ибо в такую бурю было опасно заходить в генуэзский порт.

Сначала фелюга превосходно держалась на воде, так что наши более опытные моряки говорили даже, что они предпочли бы находиться на ее борту. Но очень скоро нашему взору представилось печальнейшее зрелище гибели несчастных людей. Огромный вал опрокинул их судно, и мы успели заметить на его вздыбившейся палубе лишь нескольких людей с простертыми к нам руками; через мгновение они исчезли под вторым, еще более громадным валом.

Катастрофа произошла справа от кормы нашего корабля, поэтому мы были не в состоянии оказать помощь несчастным. Барки, которые шли вслед за нами, также не могли приблизиться к тонувшим из-за ураганного ветра и высоких волн.

Как мы потом узнали, страшная гибель постигла девять человек из одного семейства. При этом трагическом зрелище у самых впечатлительных на глаза навернулись слезы, но мысль о грозившей нам самой опасности скоро осушила их.

Из Вадо мы направились в Геную, а оттуда – в Ниццу. Затем я начал плавать в Левант⁵ и другие страны на судах компании Джоан.

Я побывал в Гибралтаре и на Канарских островах, плавая на корабле «Коромандель», принадлежавшем синьору Джакомо Галлеано, под началом его племянника капитана Джузеппе, носившего ту же фамилию; я вспоминаю о нем с благодарностью.

Потом я снова вернулся к плаваниям в Левант. Во время одного из них на бригантине «Кортесе», капитаном которой был Карло Семериа, я заболел и остался в Константинополе. Судно ушло, а моя болезнь неожиданно затянулась, и я оказался в стесненном материальном положении. Как бы ни были плохи обстоятельства, какая бы опасность ни грозила мне, я никогда не терял присутствия духа. Мне посчастливилось встретить благожелательных людей, принявших участие в моей судьбе. Среди них я никогда не забуду синьору Луизу Совего, родом из Ниццы. Она принадлежала к числу тех женщин, которые заставляли меня не раз утверждать, что женщина – самое совершенное создание, что бы о ней ни думали мужчины.

Она была счастьем и отрадой своего мужа, достойнейшего человека, образцовой матерью, с несравненной тонкостью воспитывавшей своих милых детей.

Война, начавшаяся между Россией и Портой⁶, продлила мое пребывание в Константинополе. Из-за этого мне пришлось поступить на должность гувернера: я сделал это по предложению синьора Диего, доктора медицины, который представил меня вдове Тимони, искавшей учителя.

⁵ Левант – часто употреблявшееся в то время название стран Ближнего Востока на восточном побережье Средиземного моря.

⁶ Война между Россией и Турцией в 1828–1829 гг. Порта – употреблявшееся в литературе и в дипломатических документах официальное название правительства Османской империи (Турции).

Войдя в этот дом как наставник трех мальчиков, я использовал это спокойное время, чтобы немного изучить греческий язык; впоследствии он забылся, так же как и латинский, которому меня обучали в детстве.

Потом я снова занялся мореплаванием. Вместе с капитаном Антонио Казабона мы ходили на бригантине «Ностра Синьора делла Грацие». На этом судне я впервые выполнял обязанности капитана: это было во время плавания в Маон и Гибралтар и на обратном пути в Константинополь. Я не стану рассказывать о других моих плаваниях в Левант, ибо в то время со мной не произошло ничего примечательного.

С ранних лет горячо любя свою страну и страдая из-за того, что она находится в состоянии рабства, я жаждал быть посвященным в тайну ее возрождения. Поэтому я повсюду искал книги и сочинения, в которых шла речь о борьбе за свободу Италии, и старался найти людей, посвятивших себя этой борьбе.

Во время одного плавания в Таганрог я повстречался с молодым лигурийцем⁷, от которого впервые получил некоторые сведения об освободительной борьбе.

Колумб, наверное, не испытывал такой радости при открытии Америки, какую испытал я, когда столкнулся с человеком, посвятившим себя освобождению родины. Я душой и телом отдался этому делу, которое уже давно считал своим собственным, и 5 февраля 1834 г. в семь часов вечера я, переодетый крестьянином, вышел из ворот Лантерна и покинул Геную изгнанником.

Так я вступил на общественное поприще. Спустя несколько дней я впервые увидел свое имя в газете: то был смертный приговор, о котором сообщила марсельская газета – «Пополо Соврано».

В Марселе я провел в бездействии несколько месяцев. Как-то вечером, в бытность мою помощником капитана Франческо Газана на французской торговой бригантине «Унионе», я, одетый по-праздничному, находился у себя в каюте, готовясь сойти на берег. Услышав какой-то шум за бортом, я и капитан выбежали на мостик. Между кормой и молом тонул человек. Я бросился в воду и мне удалось спасти тонувшего француза. Много людей, столпившихся на берегу, рукоплескали мне. Спасенным оказался четырнадцатилетний Жозеф Рамбо. Его мать рыдала у меня на груди слезами радости, я заслужил благословение целой семьи.

Несколькими годами раньше, на рейде в Смирне, мне также посчастливилось спасти моего друга и товарища детства Клаудио Терезе.

Я совершил в то время еще одно плавание по Черному морю на «Унионе» и одно в Тунис на военном фрегате, построенном для бея в Марселе. Затем я отправился из Марселя в Рио-де-Жанейро на бригантине из Нанта «Нотонье», которой командовал капитан Борегар.

Когда я последний раз был в Марселе, вернувшись из Туниса на принадлежавшем этой стране военном корабле, в городе свирепствовала холера, унесшая множество жизней. Были устроены госпитали, в которые стекались люди, добровольно предлагавшие свои услуги. Я явился в один из них и в течение нескольких дней, которые мне оставалось пробыть в Марселе, дежурил по ночам, ухаживая за холерными больными.

⁷ В Таганрог Гарибальди прибыл в 1833 г. во время одного из плаваний на Восток. Там, в небольшом городке южной России Гарибальди, зайдя в один из трактиров, где обычно собирались итальянские моряки, впервые услышал о существовании в Италии тайной революционной организации и решил посвятить себя делу освобождения своей Родины. В том же году Гарибальди, во время своей поездки в Марсель, встретился с Джузеппе Мадзини и вступил в общество «Молодая Италия», приняв имя «Борель».

Глава 5 Россетти⁸

По прибытии в Рио-де-Жанейро мне не пришлось потратить много времени, чтобы найти друзей. Россетти, которого я никогда раньше не видел и все же отличил бы в любой толпе благодаря взаимному и горячему влечению, встретил меня в Ларго-до-Пассо. Наши взгляды встретились, и нам показалось, что мы видим друг друга не в первый раз, как это было в действительности. Мы улыбнулись друг другу и сделались братьями на всю жизнь, на всю жизнь неразлучными!

Не было ли это одним из множества случаев проявления того бесконечного разума, который, возможно, одушевляет пространство, миры и существа, обитающие на них? Отчего я должен лишать себя дивного наслаждения, которое наполняет меня счастьем, и не верить в передачу материнских чувств, вернувшихся в лоно бесконечного, откуда они брали свое начало, и чувств моего незабвенного Россетти?

Я описал в другом месте прекрасные душевные качества этого человека. Быть может, я умру неуспокоенным, так и не поставив крест на американской земле в том месте, где покоится прах достойнейшего среди верных сынов нашей прекрасной и несчастной родины. Останки доблестного лигурийца, павшего во время внезапного ночного нападения бразильцев на деревню, в которой он случайно оказался, должны покоиться на кладбище в Виамао.

Несколько месяцев прошли в бездействии, и вот Россетти и я занялись торговлей, но мы не были созданы для нее.

Во время войны между республикой Риу-Гранди и Бразильской империей были захвачены в плен Бенто Гонсалвис⁹, президент, командующий армией республики и его генеральный штаб; в плену оказался также его секретарь Дзамбеккари, сын знаменитого болонского воздухоплавателя.

Россетти получил разрешение от республики, и мы здесь же, в порту Рио-де-Жанейро, вооружили небольшое судно «Мадзини».

⁸ Луиджи Россетти – участник революционного движения в Италии, эмигрировал в Южную Америку в 1827 г. и включился в активную борьбу за независимость республики Риу-Гранди.

⁹ Гонсалвис, Бенту да Силва (1788–1847) – генерал и политический деятель Бразилии. Один из вождей революции фаррапос («оборванцев»). В 1837 г. был избран президентом республики Риу-Гранди – его родины.

Глава 6 Корсар

Корсар! Выйдя в океан с двенадцатью товарищами на борту гароперы¹⁰, мы бросили вызов империи! Впервые у этих южных берегов стало развеяться знамя свободы, республиканское знамя Риу-Гранди.

В море против острова Илья-Гранди мы повстречали шхуну с грузом кофе и захватили ее. «Мадзини» пришлось затопить, ибо у нас не было лоцмана, который мог бы вести его в открытом море.

Россетти был со мной, но не все мои товарищи были под стать ему, т. е. не все они были чисты душой так, как он. К тому же некоторые из них, чей вид не внушал слишком большого доверия, держали себя с чрезмерной свирепостью, чтобы запугать наших ни в чем не повинных противников. Я постарался, естественно, утихомирить их и рассеять испуг наших пленников, насколько это было возможно.

Когда я поднялся на шхуну, один из ее пассажиров-бразильцев подошел ко мне и с умоляющим видом предложил шкатулку с тремя великолепными бриллиантами. Я отказался их принять – ведь мною был отдан приказ, запрещающий посягать на личные вещи экипажа и пассажиров. Такого правила я придерживался во всех подобных обстоятельствах, и мои приказания никогда не нарушались, так как мои подчиненные твердо знали, что от меня нельзя было ждать здесь снисхождения.

Мы высадили пассажиров и экипаж «Луизы» (так называлась шхуна) к северу от мыса Итапекоройа, разрешив им взять в шлюпку помимо их личных вещей все необходимые припасы.

Наш корабль поплыл на юг, и через несколько дней мы вошли в гавань Мальдонадо, где население и местные власти тепло приняли нас, в чем мы увидели доброе предзнаменование.

Мальдонадо, лежащий в устье Ла-Платы, имеет важное значение благодаря своему положению и достаточно удобной гавани, в которой мы застали французское китобойное судно. В Мальдонадо мы, как корсары, весело провели несколько дней.

Россетти отправился в Монтевидео, чтобы урегулировать там наши дела. Я оставался здесь со шхуной примерно восемь дней, когда над нами стали собираться тучи. Дело могло бы иметь для нас плачевный исход, если бы наместник Мальдонадо был менее достойным человеком, а я – не столь удачливым. Он предупредил меня, что права Риу-Грандийской республики не только не признаются (вопреки ранее данным инструкциям), но что даже пришел приказ задержать меня и мое судно. Это заставило нас поднять паруса и двинуться с северо-восточным ветром вверх по Ла-Плате, притом почти наугад; у меня едва хватило времени передать одному знакомому, что мы направляемся к мысу Хесус-Мария, у *bagancas*¹¹ Сан-Грегорио, севернее Монтевидео, где будем ожидать решений, которые примут Россетти и наши друзья в столице.

Мы достигли Хесус-Марии после трудного плавания, едва было не потерпев кораблекрушения у Пьедрас-Неграс из-за тех непредвиденных обстоятельств, от которых часто зависит жизнь многих людей.

В Мальдонадо, узнав об угрозе ареста и не слишком доверяя благожелательности наместника, я, находясь на берегу, чтобы закончить некоторые дела, передал на судно распоряжение подготовить оружие. Этот приказ был тотчас же выполнен. Но случилось так, что оружие, извлеченное из трюма, сложили – дабы оно всегда находилось под рукой – в отсеке, расположенном рядом с компасом.

¹⁰ Гаропера – рыболовное судно, предназначенное для ловли гаропе, вкусной бразильской рыбы.

¹¹ *Bagancas* – прибрежные отвесные скалы, по-французски – *falaise*.

Когда стали поднимать паруса, в спешке никому не пришло в голову, что оружие находится в таком месте, где оно может влиять на компас. К счастью, мне не особенно хотелось спать. Сильный ветер, доходивший до шквального, заставил меня встать с подветренной стороны, рядом с рулевым, т. е. на правом борту судна. По привычке я вглядывался в очертания берега, который между Мальдонадо и Монтевидео очень опасен из-за рифов, подступающих к его мысам.

Была первая вахта, т. е. время от восьми до полуночи. Ночь была темной и бурной. Все же глазу, привыкшему отыскивать во мраке землю, было не трудно различать берег, тем более, что он, как мне казалось, все более приближался к нам, хотя я скомандовал рулевому румб, который должен был отдалить нас от берега.

«Левее на квартиру! Еще левее на квартиру!»¹² Я приказал взять влево уже более, чем на целый ветер (т. е. от четырех до пяти кварт), а берег все больше приближался.

Около полуночи вахтенный на носу закричал «земля!» Какая там земля! Через несколько мгновений нас отнесло к бурунам, кипевшим среди черных страшных скал, которые угрюмо выглядывали из воды. Обойти их было невозможно. Нам угрожала неминуемая опасность. Не оставалось иного выхода, как устремиться в просветы между скалами и постараться найти там проход. Счастье, что я не растерялся. Взобравшись на самый верх грот-мачты, я, напрягая голос, как только мог в свои двадцать восемь лет, стал направлять шхуну в такие места, которые казались мне менее опасными, одновременно приказывая рулевому совершать необходимые маневры.

Бедную «Луизу» захлестывали волны, которые разбивались о ее палубу с такой же яростью, как и о скалы.

Здесь передо мной открылось новое зрелище: множество морских волков¹³, несмотря на бурю, сновали вокруг судна и играли, как дети на цветущем лугу. Однако их головы, такие же черные, как окружавшие нас скалы, и что-то угрожающее, что чудилось в их забавах, не внушали большого доверия. Кто знает – не таилась ли в этих черных, как сажа, башках мысль о том, что недурно было бы испробовать наше мясо.

Но грозившая нам опасность заставляла забыть обо всем остальном. То, что нам удалось выйти из этого лабиринта, не наскочив на рифы, было невероятной удачей. Малейший удар об эти страшные скалы превратил бы в щепы наше потрепанное бурей судно.

Как я сказал, мы достигли мыса Хесус-Мария в скалистой местности Сан-Грегорио примерно в сорока милях от Монтевидео, вверх по Ла-Плате.

Лишь в этот день я узнал, что оружие было извлечено из трюма и сложено в отсеке рядом с компасом.

В том месте, которого мы достигли, ничего нового не произошло. Это было вполне естественно, ибо Россетти, преследуемый властями Монтевидео, вынужден был скрываться, чтобы избежать ареста. Поэтому он и не смог заняться нами.

Припасы кончились, а у нас не было лодки, чтобы высадиться на берег. А между тем нужно было утолить голод двенадцати человек. Заметив примерно в четырех милях от берега какой-то дом, я решил добраться до суши на столе и во что бы то ни стало доставить на судно продовольствие. Между тем дул сильный ветер, так что высадиться на сушу было бы трудно даже с помощью шлюпки.

Мы бросили два якоря так близко к берегу, как это только представлялось возможным, на таком расстоянии от него, что в другое время это показалось бы неосторожным, но сейчас было

¹² Кварт – одна тридцать вторая часть окружности компаса.

¹³ Возможно, Гарибальди имеет в виду морских лисиц – акул из семейства Lamnidae, которые встречаются в тех местах; но они питаются рыбой и для людей не опасны. В просторечьи «морским волком» иногда называют зубатку (Anarrhichas) – рыбу длиной до двух метров из семейства морских собачек

необходимо, так как мне предстояло вернуться на шхуну, пlying на столе, поддерживаемом бочками.

И вот я и матрос Маурицио Гарибальди взобрались на этот стол, который держался на воде благодаря двум бочкам. Нашу одежду мы повесили, подобно трофею, на шест, водруженный на судне этой необычной конструкции. Мы не плыли, а кружились среди бурунов у этого негостеприимного берега.

Река Ла-Плата огибает государство Монтевидео (называемое также Банда Ориенталь)¹⁴, которое лежит на ее левом берегу. Эта прекраснейшая страна покрыта более или менее высокими холмами, и река, подмыв берега, образовала почти однообразные скалы, которые тянутся на большом расстоянии, кое-где достигая огромной высоты.

На правом берегу, омываемом той же важнейшей рекой, раскинулось государство Буэнос-Айрес¹⁵. Река выносит сюда свои наносы, которые с течением веков образовали необозримые долины Пампы.

Нам посчастливилось добраться до берега и мы вытащили из воды потрепанный «корабль». Оставив Маурицио чинить его, я один двинулся к замеченному мною дому.

¹⁴ Государством Монтевидео – Гарибальди называет страну по ее столице Монтевидео; официальное название – Восточная республика Уругвай.

¹⁵ Речь идет об Аргентине; Буэнос-Айрес – ее столица.

Глава 7¹⁶

Зрелище, впервые открывшееся моему взору, когда я поднялся на вершину las barrancas, воистину достойно упоминания. Бескрайняя волнистая степь – это природа совершенно новая для европейца и особенно для итальянца, который родился и вырос там, где редко можно найти незастроенный, неогороженный или необработанный клочок земли. Здесь же все обстоит по-иному: креол сохраняет поверхность этой земли в том же самом виде, в каком она досталась ему от предков, истреблявшихся испанцами. Степь, покрытая зеленым ковром, меняет свой вид только в долинах, у берегов небольших рек или в каньонах, где растет жесткая трава.

Берега рек и ручьев покрыты обычно великолепными лесами, достигающими часто большой высоты. В этой избранной природой земле обитают лошади, рогатый скот, газели и страусы. Одинокий человек, истинный центавр, пересекает степь только для того, чтобы напомнить своим бесчисленным, но диким, рабам об их властелине.

Нередко огненный жеребец, ведущий за собой табун кобыл, или бык бросаются наперерез, явно и энергично выражая свое презрение к надменному человеку.

Я видал на своей несчастной родине австрийца, глумящегося над людьми и попирающего их достоинство. Рабы прятали взгляд, боясь выдать себя! О, потомки Кальви и Манары¹⁷, ради создателя, не допустите возврата к такому унижению!

Как прекрасен жеребец Пампы! Его губы никогда не знали отвратительного холода узды; его лоснящаяся спина, которую человек никогда не осквернял своим прикосновением, блещет на солнце как бриллиант. Его роскошная, но спутанная грива бьет по бокам, когда гордый конь, сгоняя в табун кобылиц и убегая от человека, мчится со скоростью ветра. Его копыта, никогда не загрязненные в конюшнях, блестят сильнее слоновой кости, а густой, роскошный хвост, который раздувает ветер, защищает благородное животное от назойливых насекомых. Подлинный султан степей, он выбирает себе самую грациозную из одалисок, без помощи рабских и гнусных услуг самого жалкого из существ – евнуха!

Как передать чувство, испытанное 25-летним корсаром, который оказался в этой девственной, впервые им увиденной стране!

Сегодня 20 декабря 1871 г., я, состарившийся, зябко съезжившись у очага, с волнением вспоминаю эти сцены прошедшей жизни, когда все улыбалось при виде самого чудесного зрелища, которое мне довелось наблюдать.

Но что ожидает тех гордых коней, быков, газелей, страусов, которые так украшали и оживляли эти райские холмы? Конечно, их потомки будут пастись на этих тучных пастбищах, пока туда не придут пар и железо, чтобы приумножить богатства почвы, но в то же время обеднить красоту этих изумительных сцен природы.

Конь или бык, не привыкшие видеть идущих людей, на мгновение останавливаются, как вкопанные, и кажутся застывшими в странном оцепенении; затем, охваченные, быть может, презрением к этим тщедушным двуногим существам, которые держатся как владыки мира, они играючи бросаются на них; если бы они захотели сделать это всерьез, как того требует справедливость, они бы растоптали их.

Конь может играть, может угрожать, но он никогда не причинит вреда. Быку же доверять нельзя. Газель и страус при виде человека убегают с быстротой скаковой лошади; на возвышенном месте они останавливаются, чтобы посмотреть, не преследуют ли их.

¹⁶ Главам 7, 8 и 9 Гарибальди не дал названий.

¹⁷ Кальви, Пьетро Фортунато (1817–1855), Манара, Лучиано (1825–1849) – итальянские революционеры.

В то время часть территории восточной провинции, о которой идет речь, находилась в стороне от театра военных действий; поэтому здесь было бесчисленное множество самых различных животных.

Глава 8

Любуясь этим восхитительным зрелищем, я прошел около четырех миль и достиг хижины, замеченной мною с судна. Там у меня произошла приятнейшая встреча: молодая, очень пригожая женщина приняла меня самым радушным образом. Быть может, она не отличалась красотой рафаэлевских дев, но она была хороша собой, образованна и даже оказалась поэтессой.

Какое удивительное сочетание качеств! И в этой глуши, на таком расстоянии от столицы! Мне казалось, что я грежу наяву. Я узнал от нее, что она – жена *sarataz* (управляющего) эстансией¹⁸, находящейся за много миль отсюда; дом же, в котором она обитала, был простой сторожкой этой эстансии.

Она приняла меня с любезностью, о которой я сохранил благодарную память на всю жизнь. Мне было предложено классическое *mate*¹⁹ и прекрасное жаркое, которое только и едят в этих краях, где мясо является единственной пищей.

Пока я подкреплял свои силы едой, она читала мне Данте, Петрарку и других великих итальянских поэтов. Она заставила меня принять на память книгу прекрасных стихов Кинтаны[50]. Наконец, она рассказала мне историю своей жизни. Она происходила из зажиточной монтевидеоской семьи. Некоторые обстоятельства, связанные с торговыми делами, забросили ее в деревню, где она познакомилась со своим нынешним мужем, с которым жила очень счастливо. Она, с ее романтическими наклонностями, даже во сне не пожелала бы сменить свое положение на шумную жизнь в столице.

Услышав, что мне нужна корова, чтобы обеспечить мясом экипаж, она обещала мне, что ее муж с радостью удовлетворит мою просьбу – нужно было лишь дождаться его. Между тем было уже поздно, и доставить животное к берегу было невозможно раньше следующего дня.

Ее муж долго не шел, я, тогда еще плохо знавший испанский язык, говорил мало. Поэтому у меня было время поразмыслить над превратностями судьбы. Передо мной было такое стечение жизненных обстоятельств, которое не может изгладиться из памяти.

В этой пустыне мне довелось встретить молодую, красивую женщину, хорошо образованную, с поэтическим даром; и она была женой человека, который, возможно, был полудикарем! В мое время любили повсюду находить поэзию, и подобная превратность судьбы могла показаться скорее плодом фантазии, чем действительностью.

Подарив мне книгу стихов Кинтаны, которая послужила темой для разговора, прекрасная хозяйка захотела прочесть мне несколько своих стихотворений, которые привели меня в восторг.

Могут спросить: как я мог восхищаться стихами, почти не зная испанского языка и мало разбираясь в поэзии? Конечно, я мало смыслю в ней, но красота стихов могла бы, пожалуй, тронуть и глухого. А испанский язык так близок к нашему, что я без особого труда понимал его с самого начала моего пребывания в тех странах, где на нем говорят.

Я наслаждался обществом приветливой хозяйки дома до прихода ее мужа, человека не грубого, но сурового на вид. Мы договорились с ним, что на следующее утро он доставит к берегу *rez*²⁰.

На заре я распрощался с привлекательной поэтессой и вернулся к тому месту, где меня не без страха ожидал Маурицио, лучше меня знакомый с этой частью Америки. Он знал о том, что здесь водятся тигры, конечно менее сдержанные в своих повадках, нежели бык или конь.

¹⁸ Estancia – животноводческое хозяйство.

¹⁹ Настоялка из листьев дерева того же названия. В Южной Америке ее добавляют в кофе и чай.

²⁰ Rez – зарезанная и разделанная корова.

Вскоре появился и капатас с быком на веревке, который очень скоро был заколот, ободран и разделан: такова сноровка этих людей в подобном занятии.

Теперь нужно было перевезти разрубленного на части быка с берега на судно, на расстояние, примерно, тысячи шагов, по бушующему морю – не очень-то большое утешение для того, кому предстояло совершить эту переправу. И вот мы с Маурицио приступили к этому трудному предприятию.

Две пустые бочки были уже прикреплены к краям «гастрономического корабля», куски мяса были тщательно привязаны к импровизированной мачте, так чтобы их не залило водой. В руках у каждого из нас было по шесту, служившему веслом и для отталкивания. Затем экипаж, освободившись от всякой лишней одежды, по пояс в воде, спустил «судно» в реку.

И вот с помощью весел наша барка двинулась вперед! Хохоча над этим новым способом плавания, трепеща от опасности, на глазах аплодировавшего нам американца и наших товарищей, молившихся, наверное, скорее о том, чтобы уцелело мясо, чем о нашем спасении, мы отважились двинуться навстречу стихии. Поначалу дело шло не плохо, но когда мы достигли более отдаленных и сильных бурунов, волны стали накрывать нас и отбрасывать к берегу, что было хуже всего.

С большим трудом мы преодолели все буруны, но здесь возникла не менее серьезная опасность, против которой мы были бессильны. За линией бурунов, где глубина равнялась четырем локтям, было очень сильное течение, которое понесло нас на юго-восток в сторону от «Луизы». Оставалось только одно средство спасти нас: поднять паруса на шхуне и догонять наш плот, с тем чтобы бросить нам конец. Так мы были спасены, а вместе с нами и мясо, которое наши изголодавшиеся товарищи уплели с невероятной быстротой. На другой день, проплывая мимо паландры (маленькой речной шхуны), я решил купить лодку, которую заметил у нее на палубе. Подняв паруса, мы подошли вплотную к паландре, на которой охотно согласились продать нам лодку за тридцать скуди.

Мы провели этот день еще в виду мыса Хесус-Мария, тщетно ожидая вестей из Монте-видео.

Глава 9

На следующий день, когда наша шхуна стояла на якоре несколько южнее названного пункта, со стороны Монтевидео появились два судна, которые мы приняли за дружественные. Но так как на них не было установленного знака – красного флага, – я счел за благо в ожидании их поднять паруса. Мы снялись с якоря и легли в дрейф, держа оружие наготове. Эти меры предосторожности оказались не напрасными. К нам приближалось более крупное судно: на нем были видны только три человека. Когда же судно оказалось совсем рядом с нами, с него потребовали, от имени правительства Восточной провинции, чтобы мы сдались, и на палубе судна появилось до тридцати грозно вооруженных людей.

Так как наша шхуна лежала в дрейфе, я немедленно скомандовал: «поднять паруса!» При этой команде они дали по нам залп и убили одного из лучших моих товарищей – итальянца по имени Фиорентино, уроженца острова Маддалена. Я тотчас же приказал разобрать ружья, ранее извлеченные из боевого отсека и сложенные на скамье вахтенного, и открыть ответный огонь.

Между двумя сторонами завязалась жаркая схватка. Неприятельское судно атаковало нашу шхуну с правой стороны кормы. Несколько человек неприятеля, карабкаясь на фальш-борт, готовились уже спрыгнуть к нам на палубу, но несколько ружейных выстрелов и сабельных ударов заставили их поспешно вернуться на судно или броситься в воду.

Все это произошло в какие-то мгновения, и так как мои люди не были еще достаточно закалены, возникло замешательство. Мое приказание отнять паруса не было выполнено, так как несколько человек бросились травить брасы с левой стороны, но никто не догадался сделать это-справа; поэтому люди без толку тянули за веревки. Увидев это, Фиорентино оставил штурвал, у которого он находился, и бросился осуществлять маневр, но в этот миг ему в голову попала пуля и он упал замертво. Я вел огонь как раз недалеко у оставленного штурвала. Поэтому я поспешил к нему и схватил колесо. В ту же минуту пуля поразила меня в шею и я без чувств рухнул на палубу. Всю тяжесть сражения, продолжавшегося еще около часа, приняли на себя главным образом боцман Луиджи Карнилья, младший лоцман Паскуале Лодола и матросы Джованни Ламберти, Маурицио Гарибальди, двое Мальтези и другие. Итальянцы, кроме одного, дрались на славу. Иностранцы и пятеро негров-вольноотпущенников спрятались в трюме.

В течение получаса я оставался лежать на палубе как труп, и хотя затем сознание стало постепенно возвращаться ко мне, я не мог двинуться и меня сочли убитым.

Отбросив неприятеля ружейным огнем, наши люди не намеревались больше уже ни с кем сражаться в этих широтах и поплыли вверх по Ла-Плате в поисках пристанища и продовольствия.

Мое положение было очень затруднительным. Я был тяжело ранен и не мог двигаться, а на шхуне не было никого, кто бы обладал малейшими географическими познаниями. Поэтому передо мной разложили судовую гидрографическую карту, чтобы я, напрягши слабеющий взор, показал на ней какой-нибудь пункт, к которому следовало повести судно. Я указал Санта-Фе, на реке Парана, название которого, нанесенное на карте большими буквами, мне удалось разобрать. Никто не плывал по этой реке, исключая Маурицио, который только один раз ходил вверх по Уругваю.

Матросы, напуганные случившимся (итальянцы, я должен сказать, не поддались испугу), т. е. тем, что на них напал флот правительства Монтевидео, единственного, которое считалось дружески расположенным к Риу-Грандиейской республике, и тем, что их могли принять за пиратов, матросы, говорю я, совершенно пали духом. На их лицах был испуг, вызванный моим тяжелым состоянием, смертью Фиорентино и страхом, что их повсюду принимают за

морских разбойников; в каждой лодке, в каждой птице этим трусам мерещился противник, бросившийся за нами в погоню. При первом же удобном случае они бежали с нашего судна.

Тело Фиорентино было погребено в волнах (обычная судьба моряков) с подобающими для такого случая церемониями, т. е. провожаемое сердечным «прости» соотечественников.

Должен сознаться, что этот род погребения мне вовсе не нравится, и так как подобная судьба, по всей вероятности, ожидала вскоре меня самого, то я, будучи не в состоянии помешать совершению такого обряда над моим товарищем, удовольствовался тем, что попросил моего дорогого друга Луиджи не подвергать меня в случае необходимости такому погребению.

Обращаясь к моему бесценному другу с кратким, но красноречивым призывом, я прочел ему между прочим эти прекрасные стихи Уго Фосколо:

Камень, Камень, который отмечает мои кости

От костей, рассеянных смертью по земле и океану...

Мой дорогой друг плакал и обещал, что в случае моей смерти он не даст бросить меня в воду. Но кто знает, смог ли бы он действительно выполнить свое обещание; быть может, мой труп стал бы добычей морских волков или крокодилов где-нибудь в Ла-Плате.

Да, мне не пришлось бы больше увидеть Италии – единственной цели всей моей жизни, не пришлось бы больше сражаться за нее. Но мне также не пришлось бы увидеть ее позор и бесчестье.

Кто бы мог тогда сказать моему смелому, доброму, ласковому Луиджи, что спустя год я увижу его тонущим в море, что буду напрасно искать в воде его тело, чтобы похоронить его в чужой земле и положить над ним камень, дабы о нем знал прохожий!

Бедный Луиджи! В течение всего плавания до Гуалегуая он заботился обо мне как родная мать и единственной поддержкой в моих страданиях было внимание и попечение этого, сколь великодушного, столь и мужественного, человека.

Глава 10

Луиджи Карнилья

Я хочу сказать несколько слов о Луиджи. А почему бы и нет? Потому что он родился среди тех простолюдинов, которые работают за всех? Потому что он не принадлежал к высшему классу, который вообще не работает, а потребляет за многих? К высшему классу, о котором только и говорят в исторических книгах, не утруждая себя упоминанием о низком плебсе, из которого, однако, вышли Колумбы, Вольты, Линней²¹ и Франклины?[64] И разве Луиджи Карнилья не был человеком благородной души, способным в любом месте поддержать честь итальянского имени?! Он смело бросал вызов буре, он храбро шел навстречу любой опасности, чтобы творить добро! Он опекал и берег меня как попавшего в беду родного сына, когда силы мои иссякали и я лежал недвижимый, в таком состоянии, что все покидали меня. Когда я метался в смертельном бреду, рядом со мной самоотверженно, с ангельским терпением сидел Луиджи, и если оставлял меня на минуту, то для того только, чтобы поплакать.

О Луиджи! Твои кости, рассеянные по просторам океана, заслуживают памятника, пред которым благодарный изгнанник мог бы в один прекрасный день вспомнить о тебе со слезами на священной земле Италии!

Луиджи Карнилья был родом из Деивы, небольшого селения в Ривьере, к востоку от Генуи. В стране, где по вине правительства и священников семнадцать миллионов человек остаются неграмотными, он не получил никакого образования; однако этот недостаток восполнялся замечательным умом. Не имея никаких специальных познаний, которые необходимы для лоцмана, он привел «Луизу» до Гуалегуая (где раньше никогда не был) с искусством и сметливостью опытного мореплавателя.

В сражении с двумя судами мы главным образом были обязаны ему тем, что не попали в руки неприятеля. Стоя на самом опасном месте с мушкетом в руках, он навел страх на осаждавшего нас неприятеля.

Карнилья был высокого роста и крепкого телосложения, необычайно силен и ловок, так что при виде его можно было сказать, не боясь впасть в преувеличение: «у этого хватит сил на десятерых!».

Отличаясь удивительной добротой в повседневной жизни, он обладал даром вызывать к себе любовь всех, кто имел с ним дело.

Еще один мученик, принесший себя в жертву свободе, из числа стольких итальянцев, вынужденных служить ей повсюду за пределами их несчастного отечества!

²¹ Линней, Карл (1707–1778) – выдающийся шведский естествоиспытатель и натуралист.

Глава 11

Пленник

Удивительно, что на протяжении моего долгого боевого пути я никогда не был в плену, несмотря на то, что столько раз мне приходилось попадать в крайне опасное положение. В создававшихся обстоятельствах, на какую бы землю мы ни вступили, нас могли взять в плен, ибо никто не признавал нашего флага – флага восставшей республики Риу-Гранди-ду-Сул.

Мы прибыли в Гуалегуай, селение в провинции Энтре-Риос, где нам оказал огромные услуги Лука Тартабул, капитан голеты «Пинтореска» из Буэнос-Айреса, а также его пассажиры, жители и уроженцы этих краев. Мы встретили шхуну в устье Ибикуи, небольшого притока реки Гуалегуай. Когда посланец от Луиджи попросил у них какую-нибудь провизию, эти великодушные люди взялись сопровождать нас до Гуалегуая – места назначения их судна. Больше того, они рекомендовали меня губернатору провинции дону Паскуале Эчагуэ, который был столь любезен, что, собираясь уезжать, оставил со мной своего врача, молодого аргентинца дона Рамона дель Арка, который немедленно извлек пулю, засевшую в шее, и полностью вылечил меня.

Все шесть месяцев, проведенных мною в Гуалегуае, я жил в доме дона Хасинто Андреуса. Этот великодушный человек, как и все его семейство, был ко мне чрезвычайно добр и внимателен.

Но я не был свободен! Несмотря на доброе расположение ко мне Эчагуэ и сочувствие славных жителей Гуалегуая, я не мог уехать без позволения диктатора Буэнос-Айреса (ему подчинялся губернатор провинции Энтре-Риос), который никак не принимал решения.

После того, как моя рана зажила, я стал совершать прогулки: мне разрешили ездить верхом, но не дальше десяти – двенадцати миль.

Помимо стола, который предоставлял мне гостеприимный дон Хасинто, я получал ежедневно изрядную сумму, что позволяло жить в полном довольстве в этих краях, где расходы весьма незначительны.

Но все это была далеко не свобода, которой я был лишен. Кое-кто дал мне понять (из благих или из враждебных побуждений), что мое исчезновение не вызвало бы недовольства правительства. Поэтому я неосторожно замыслил побег, полагая, что совершить его будет не трудно и что по указанной мною выше причине этому побегу не придадут особого значения и не станут рассматривать его как преступление.

Комендантом Гуалегуайя был некий Миллан. Он относился ко мне не плохо, ибо таково было указание властей провинции, и до того момента я, действительно, не мог ни в чем на него пожаловаться, хотя он не обнаруживал ко мне особого сочувствия.

Итак, я решил бежать и сделал с этой целью некоторые приготовления. Однажды, в бурную ночь я отправился в дом одного доброго старика, у которого часто бывал и который жил в трех милях от Гуалегуая. Я открыл ему свое намерение и попросил его достать мне проводника, имеющего лошадей, который доставил бы меня к реке Ибикуи, где я надеялся сесть на судно и добраться инкогнито до Буэнос-Айреса или Монтевидео.

Старик нашел мне проводника и лошадей, и мы, чтобы не быть замеченными, отправились в путь через степи. Нам предстояло проехать пятьдесят четыре мили, которые мы преодолели за ночь, почти все время скача галопом. На рассвете мы были уже в виду эстансии Ибикуи, примерно в полумиле от нее.

Мой проводник попросил меня подождать его в роще, где мы остановились, а сам решил отправиться к дому, чтобы обо всем разузнать. Так и сделали: он ушел, а я остался один, очень довольный тем, что можно дать короткий отдых онемевшим от такой быстрой скачки членам, ибо я, моряк, не привык к верховой езде.

Спрыгнув с коня, я привязал его к стволу акации, из которой целиком состоят эти рощи. Деревья росли здесь так редко, что всадники могли свободно проезжать под деревьями и между ними. Растянувшись на траве, я довольно долго дожидался моего проводника. Затем, видя, что он не возвращается, я встал и подошел к опушке рощи, надеясь его увидеть. Внезапно позади меня раздался стук копыт, и я увидел отряд всадников, которые с обнаженными саблями приближались ко мне. Они уже были между моим конем и мною. Бесплезно было поэтому от них бежать и тем более – сопротивляться. Мне скрутили за спиной руки, взвалили на клячу, и, связав ноги под брюхом лошади, повезли в таком виде в Гуалегуай, где меня ожидало еще нечто значительно худшее.

Дрожь пробегает по моему телу всякий раз, когда я вспоминаю этот ужаснейший момент моей жизни. Когда меня привели к Миллану, ожидавшему у дверей тюрьмы, он потребовал, чтобы я назвал тех, кто предоставил мне средства к побегу. Убедившись, что я ничего не намерен ему открыть, он начал зверски избивать меня хлыстом. Затем, когда я снова отказался отвечать, он приказал перекинуть веревку через балку и подвесить меня за руки.

Два часа подобной пытки, которую заставил меня вынести этот негодяй!

Меня, посвятившего всю жизнь облегчению участи несчастных, боровшегося с тиранией и священниками, поборниками и организаторами пыток!

Тело мое горело как раскаленная печь. Я все время глотал воду, которую давал мне солдат, но она мгновенно высыхала у меня в желудке, как если бы ее лили на раскаленное железо.

Страдания мои были невыносимы! Когда меня развязали, я не жаловался... Я упал без чувств, я был полутрупом. И, несмотря на это, меня заковали в кандалы, хотя я проехал до этого пятьдесят четыре мили по болотистой местности со связанными руками и ногами, мучимый заедавшими меня москитами, которые особенно злы в это время года, и не имел возможности защищаться от истязаний, которым подверг меня Миллан.

Я перенес жестокие мучения, а потом меня, закованного в кандалы, оставили вместе с одним убийцей.

Мой благодетель, Андреус, был брошен в тюрьму. Жители этого селения были утрачены, и если бы не великодушная забота обо мне одной женщины, которая была моим ангелом-хранителем, я бы умер. Госпожа Аллеман, презрев страх, которым все были объаты, явилась на помощь несчастному мученику! Благодаря этой милой благодетельнице, я не знал ни в чем недостатка в тюрьме.

Спустя несколько дней меня перевезли в Бахаду, столицу провинции. Там я провел два месяца в тюрьме, после чего передали от губернатора, что я могу свободно уехать.

Хотя я придерживался иных убеждений, чем Эчагуэ, и сражался за иное дело, чем он, т. е. я отстаивал свободу республики Монтевидео, а он был наместником тирана Буэнос-Айреса, стремившегося поработить эту республику, – несмотря на это я должен признаться, что обязан ему очень многим; еще и теперь я хотел бы доказать ему мою благодарность за все сделанное им для меня и, особенно, за возвращение мне свободы, которую я никогда бы не смог обрести без его помощи.

Глава 12

Свободен!

Из Бахады я отправился на генуэзской бригантине, которой командовал капитан Вентура, человек, выделявшийся из массы наших соотечественников, посвятивших себя благородному делу мореплавания. В подавляющем большинстве они руководствуются самым низким расчетом, ибо их воспитали на родине в духе стяжательства.

Этот расчет состоит, конечно, не в той необходимой экономии, которая позволяет при любых обстоятельствах вести достойный образ жизни, не в той экономии, говорю я, при которой человек, приноравливаясь к своему положению, старается соразмерить расходы с доходами и, будучи в состоянии тратить, к примеру, десять, тратит только восемь, создавая таким образом сбережения, которые не только делают его независимым от других, но и позволяют ему испытать ни с чем не сравнимую радость от благотворительности.

Что, как не роскошь, непомерные желания и неумение сообразоваться со своими возможностями, неумение вести умеренный и трудолюбивый образ жизни, заставляют толпы развращенных лентяев склонять спины перед сильными мира сего и порождают доносчиков, шпионов и разного рода преступников?

Капитан Вентура обходился со мной с рыцарским великодушием. Он довез меня до Гуасу, где Парана впадает в Ла-Плату. Отсюда я отправился в Монтевидео на баландре²², принадлежавшей генуэзцу Паскуале Корбоне; он тоже относился ко мне с большим уважением.

Счастье, как и несчастье, обычно не приходят к нам единожды; и вот в этих обстоятельствах удача стала неизменно сопутствовать мне.

В Монтевидео я встретил множество друзей, и среди них особенно дорогих мне Россетти, Кунео и Каstellини. Первый вернулся из поездки в Риу-Гранди, где он был отлично принят отважными республиканцами.

В Монтевидео, однако, меня все еще считали вне закона из-за стычки с судами этой республики. Поэтому я вынужден был скрываться в доме моего друга Пезенте, где я пробыл целый месяц.

Мое затворничество скрашивали посещения многих известных итальянцев, которые в этот счастливый для Монтевидео период, как впрочем и всегда в мирное время, отличались щедростью и гостеприимством, достойными похвалы. Война и особенно вызванная ею осада города создали много трудностей для этих достойных людей, и их положение резко ухудшилось.

Спустя месяц я отправился с Россетти из Монтевидео в Риу-Гранди. Эта первая длительная поездка верхом доставила мне огромное удовольствие.

Мы приехали в Пиратини, где нам был оказан превосходный прием правительством республики Риу-Гранди, которое временно избрало это селение своей резиденцией, чтобы быть подальше от набегов неприятельских имперских войск. Во всяком случае это правительство было вынуждено, погрузив на повозки архивы, последовать в сельскую местность за республиканской армией, разделяя с воинами все тяготы и опасности сражений. Подобным же образом поступило и республиканское правительство Соединенных Штатов, когда их столица – Филадельфия – оказалась под угрозой захвата английской армии. И так должны поступать все нации, которые предпочитают любые жертвы, лишения, тяготы и опасности унижению покориться чужеземцам.

²² Речное судно средней величины.

Я имел честь воспользоваться гостеприимством Алмейда, министра финансов, который принял меня просто, но очень любезно. Бенто Гонсалвис, президент республики и командующий армией, находился в походе; он выступил во главе кавалерийской бригады, чтобы дать бой генералу Бразильской империи Сильва Таваресу, который, перейдя канал Сан-Гонсалвис, опустошал восточную часть провинции.

Пиратини, служивший тогда местопребыванием республиканского правительства, представляет небольшое селение, удачно расположенное в гористой местности. Центр департамента того же названия, Пиратини, окружен воинственным населением, глубоко преданным республике.

Не имея никакого занятия в Пиратини, я попросил разрешения присоединиться к войскам, действовавшим у Сан-Гонсалвиса, и получил согласие. Я был представлен Бенто Гонсалвису, очень хорошо встретившему меня. Я провел некоторое время в обществе этого замечательного человека, который был поистине баловнем природы, одарившей его самыми лучшими качествами; зато военное счастье почти никогда не сопутствовало ему, склоняясь на сторону Бразильской империи.

Бенто Гонсалвис был образцом благородного и блестящего воина, которым он и оставался в свои шестьдесят лет²³, когда я с ним познакомился.

Высокий и стройный, он ездил на горячем коне с легкостью и проворством своих молодых соплеменников; недаром риу-грандийцы считаются одними из лучших кавалеристов на земле.

Будучи бесстрашным, он готов был вступить в любой поединок и, наверно, победил бы любого противника, как бы тот ни был силен. По природе скромный и великодушный, он, я уверен в этом, побудил риу-грандийцев начать борьбу за освобождение против империи не из корыстных побуждений.

Будучи умеренным в потребностях, как всякий принадлежащий к этому мужественному народу, он, подобно простому воину, питался в походе *agado* (жареным мясом) – единственной пищей в этих изобилующих скотом степных краях, где участвующие в войне стороны не отягощают себя громоздкими обозами – главной помехой европейских армий. Я впервые разделил с ним тогда его походную трапезу, за которой чувствовал себя так непринужденно, как будто мы были товарищами с детства и равны между собой.

Так щедро одаренный природой Бенто был кумиром своих сограждан. И все же, несмотря на свои качества, он почти неизменно терпел неудачи в сражениях, и это всегда заставляло меня думать, что везение играет большую роль в превратностях войны.

Храбром республиканскому генералу не хватало в сражениях настойчивости. Я же считаю отсутствие этого качества огромным недостатком! Прежде чем начинать любой бой, нужно все хорошенько обдумать, но уж коли сражение началось, следует бороться за победу до конца, до последних резервов.

Я следовал за Бенто вплоть до Канудос, где была переправа через канал Сан-Гонсалвис, соединяющий озера Патус и Мирин. Туда отступил Сильва Таварес, опасаясь столкнуться с первой бригадой республиканской армии, которая неотступно преследовала его.

Так как противника настигнуть не удалось, бригада повернула назад, и я последовал за президентом в Пиратини. Примерно в это время мы получили известие о сражении при Риу-Парду, где имперская армия была наголову разбита республиканцами.

²³ Гарибальди ошибается: Бенто Гонсалвис родился в 1788 г., а познакомился с ним Гарибальди в 1838 г., следовательно Гонсалвесу было тогда 50 лет.

Глава 13

Снова корсар

Мне поручили вооружить два судна, находившихся на реке Камакуано, которая впадает в озеро Патус. Я сделал приготовления, чтобы отправиться в этот поход с моими товарищами, прибывшими со мной из Монтевидео.

Россетти остался в Пиратини, где он был занят редактированием газеты «О Пово» («Народ»), так как никто лучше него не мог руководить республиканским периодическим органом.

Мы прибыли по реке Камакуан на эстансию Бенто Гонсалвиса, где находились суда, которые мы вооружили. Командование одним из них, названного нами «Республиканец», взял на себя североамериканец Джон Григг, встреченный мною в этом месте, где он участвовал в постройке этих судов. Я принял командование над «Риу-Парду», вторым, более крупным судном.

Мы начали плавание по озеру Патус; нам удалось захватить очень большую шхуну с богатым грузом. На западном берегу озера, недалеко от Камакуана, мы разгрузили шхуну, и, сняв с нее все, что могло быть полезным для нашего маленького арсенала, сожгли ее.

Эти первые трофеи несколько поддержали нашу крохотную команду. Люди, которые до сих пор почти не имели средств, получили солидную часть добычи. В то же время я позаботился о том, чтобы их обмундировать.

Имперские войска, которые доселе презирали нас, вынуждены были теперь считаться с нашим присутствием на озере и выделить немало военных судов для борьбы с нами.

Наша жизнь, проходившая в такого рода боевых операциях, была деятельной и полной опасностей из-за численного превосходства неприятеля, который был силен во всех родах войск; но в то же время эта жизнь была яркой и привлекательной, отвечавшей моим склонностям к приключениям.

Мы не ограничивались только морскими операциями. У нас на судах были седла; лошадей, которые в этих краях были в избытке, мы находили повсюду; это позволяло нам в случае необходимости превратиться в кавалерийский отряд, внешне не особенно блестящий, но зато дерзкий и наводящий страх на противника.

На берегах озера находились эстансии, владельцы которых были вынуждены покинуть их из-за военных действий. Здесь мы находили лошадей и различный скот, обеспечивавший нас пищей. Кроме того, почти в каждой из этих ферм были *rossas* – возделанные земли, с которых мы в изобилии собирали кукурузу, буковые орехи, сладкий картофель и часто апельсины, превосходные в этой стране.

Люди, меня сопровождавшие, – истинная толпа космополитов – были всех национальностей и состояний и разного цвета кожи. Большинство американцев составляли вольноотпущенники – негры и мулаты; как правило это были самые лучшие и надежные люди. Среди европейцев были итальянцы, в том числе мой дорогой Луиджи, а также Эдоардо Мутру, мой товарищ детства; всего их было семь человек, на которых я мог всецело положиться. Остальные принадлежали к той категории моряков-авантюристов, которые известны на американском побережье Атлантики и Тихого океана под названием «*freres de la cote*» («братья с берега»), они обычно пополняли ряды флибустьеров и буканеров²⁴ и до сегодняшнего дня причастны к работорговле.

²⁴ Буканеры – испанское наименование морских разбойников, корсаров.

Я был добр с моими людьми, быть может даже излишне, не зная тогда еще человеческой природы, которая менее поддается тлетворному влиянию, когда человек образован, и особенно восприимчива к нему, когда он невежествен.

Конечно, мои недостаточно дисциплинированные товарищи не были лишены храбрости. Мне они подчинялись беспрекословно и давали мало причин обходиться с ними сурово. Поэтому я был ими доволен и должен сказать, что так было со мной всегда на протяжении всей моей жизни в самых различных обстоятельствах, в которых мне приходилось командовать подобными людьми.

На Камакуане, где находился наш маленький арсенал и откуда вышла республиканская флотилия, на большом протяжении вдоль реки жили, занимая огромные пространства земли, семейства Бенто Гонсалвиса и его братьев, а также многочисленные и состоятельные семейства их родственников. На этих обширных долинах и прекрасных пастбищах паслись бесчисленные стада, которых не затронула война, ибо они находились вне пределов ее досягаемости. Продукты земледелия были здесь также в изобилии.

Следует сказать, что нигде в мире нельзя найти гостеприимства более искреннего и чистосердечного, чем в провинции Риу-Гранди. В этих домах, где повсюду встречаешь благотворное влияние патриарха семьи и всеобщую приязнь, вызванную царящим здесь согласием во мнениях, нас принимали с неопишуемым радушием. Эстансии, на которых мы чаще всего останавливались из-за их близости к озеру, а также благодаря радушному приему и удобствам, принадлежали донне Антонии и донне Анне, сестрам Бенто Гонсалвиса. Первая эстансия находилась у устья Камакуана, вторая – у устья Арройо-Гранде.

Не знаю, был ли тому причиной мой возраст, заставлявший меня, молодого и неопытного, видеть все в приукрашенном свете, но могу твердо сказать, что ни один период моей жизни не рисуется мне более прекрасным, не навеивает на меня более сладостных воспоминаний, чем тот, который я провел в очаровательном обществе этих синьор и их милых родственников.

Дом донны Анны, в особенности, был для нас настоящим раем. Эта, уже не первой молодости, женщина обладала большим обаянием. У нее жило целое семейство, эмигрировавшее из Пелотаса (селения на берегу канала Сан-Гонсалвес), главой которого был дон Паоло Феррейра. Три молодые девушки, одна лучше другой, служили украшением этого счастливого дома. Одна из них, Мануэла, совершенно завладела моим сердцем. Я не переставал любить ее, хотя и без всякой надежды, ибо она была невестой сына президента. Я боготворил это ангельское создание как идеал красоты и в моей любви не было ничего низменного. Однажды, после того как меня сочли убитым в одном сражении, я узнал, что она равнодушна ко мне, и это утешило меня, сознававшего, что она никогда не будет моею.

Вообще риу-грандийские женщины очень красивы, так же, как и все население. Нельзя было оставаться равнодушным и к цветным рабыням, которые были в этих замечательных поместьях.

Понятно поэтому, что всякий раз, когда встречный ветер, буря или какая-нибудь операция заставляли нас повернуть к Арройо-Гранде, это был для нас настоящий праздник. Когда перед нами открывалась роща высочайших пальм (*tiriva*), которая обозначала вход в эту небольшую речку, ее всегда радостно приветствовали громким криком.

Когда же нам случалось подвозить наших милых и любезных хозяек до Камакуана, куда они отправлялись навестить донну Антонию и ее приветливую компанию, какие начинались хлопоты, какой заботой и вниманием были окружены прекрасные путешественницы! Каждый старался перещегоолять другого, – так все жаждали выразить привязанность, уважение, поклонение этим дивным существам.

Между Арройо-Гранде и Камакуаном был ряд песчаных отмелей, называвшихся *punta*. Начинаясь от западного берега, к которому они были расположены почти перпендикулярно,

эти отмели тянулись почти во всю ширину озера, близко подходя к противоположному восточному берегу, где заканчивались каналом под названием *Dos barcos*. Чтобы обойти эти отмели, плывя от Арройо-Гранде к Камакуану, пришлось бы проделать очень длинный путь; но так как при некотором усилии можно было перевалить через эти отмели (все бросались в воду и перетаскивали суда волоком), то почти всегда прибегали к этому средству, в особенности же если наши суда были почтены присутствием драгоценных путешественниц.

Ловя парусами ветер, наши суда достигали края отмели и садились на мель. Вслед за тем, я командовал: *all'agua, ratos!* (в воду, утки!) и тотчас же все мои смелые товарищи, подобно амфибиям, бросались вместе со мной в воду, и каждый занимал положенное место.

Когда на судах бывали наши хозяйки, приказание исполнялось с подлинным ликованием, хотя в других обстоятельствах оно выполнялось также с неизменным весельем. Этот маневр мы проделывали не раз, когда нас преследовал неприятель, всегда обладавший большими силами, или когда нас подгоняла гроза. В таких случаях нам приходилось иногда проводить в воде всю ночь среди волн, а часто и под ледяным дождем, не находя убежища, ибо мы находились далеко от берега. Тогда для нас начинались, настоящие мучения, и, конечно, только пылкая молодежь могла это выдержать и не погибнуть.

Глава 14

Четырнадцать против ста пятидесяти

После того как мы захватили шхуну (Brik Schooner), имперские торговые суда стали ходить только под конвоем военных кораблей, поэтому попытки захватить их стали трудным делом. Операции наших судов ограничивались теперь крейсерованием по озеру, приносящим незначительный успех, так как имперские войска преследовали нас на море и на суше.

Нападение, совершенное на нас неприятельским полковником Франсиско де Абреус, чуть было не привело к полному уничтожению корсаров: и прекращению их вылазок.

Мы находились тогда у устья Камакуана; наши суда мы вытащили на берег у galpon da Charqueada – склада предприятия, служившего ранее для соления мяса, а теперь – для хранения травы mate, употребляемой в Южной Америке вместо чая. Это предприятие принадлежало донне Антонии, сестре президента.

Из-за военных действий мясо тогда не солили, и склад был наполовину заполнен травой. Мы использовали весьма просторное помещение склада под арсенал, а наши суда вытащили на сушу, между складом и берегом, чтобы отремонтировать их.

В этом месте были плотники и кузнецы, работавшие на предприятии. Древесный уголь был в избытке, так как местность кругом была лесистая, встречались даже рощи мачтового леса.

Предприятие, хотя и бездействовало, сохранило тот же вид, что в период своего былого процветания, в нем было много различных заготовок из стали и железа, которые годились для нужд наших маленьких судов. Кроме того, дружески расположенные к нам владельцы эстансий, разбросанных на разном расстоянии, любезно предоставляли все необходимое для нашего арсенала. До этих эстансий можно было доскакать галопом. Для смелости, воли и настойчивости нет преград. Это доказал (за что следует воздать ему должное) мой товарищ и предшественник Джон Григг, который, столкнувшись при постройке двух судов со столькими трудностями и препятствиями, преодолел их. Это был молодой, не знавший страха человек, с превосходным характером и невероятным упорством. Происходя из богатой семьи, он посвятил жизнь делу республики. Письмо его родственников из Северной Америки, просивших его приехать на родину, чтобы получить огромное наследство, пришло тогда, когда он мужественно пал в борьбе за дело несчастного, но великодушного и сильного народа. Мне пришлось увидеть моего друга, разорванного надвое: тело его оставалось на палубе в прямом положении, удерживаемое бортом «Кассапава» (нашего вооруженного судна), с лицом, разгоряченным и бесстрашным, как у живого человека, а конечности, оторванные и раздробленные, были разбросаны вокруг него. Выстрел с близкого расстояния из пушки, заряженной картечью, разорвал тело моего славного товарища во время последней морской битвы в лагуне Санта-Катарина. Я увидел его в таком изуродованном виде в тот день, когда, поджигая по приказанию генерала Канабарро флотилию, поднялся на корабль Григга, все еще находившийся под яростным огнем неприятельской эскадры.

Итак, наши суда были на суше, и мы энергично занимались их починкой. Часть экипажа училась обращаться с парусами, другая отправилась в лес, чтобы заготавливать дрова для выжигания угля. Каждый был занят делом, а те, кто не работал, стояли на страже или отправились в окрестности на разведку.

Однажды Франсиско де Абреус, по прозвищу Моринг (Куница), заявил о своем намерении напасть на нас врасплох, и хотя его попытка не удалась, он внушал нам некоторое опасение, ибо это был храбрый, предприимчивый человек, превосходно знавший Камакуан, на котором он родился. И вот на этот раз он действительно очень искусно и внезапно на нас напал.

Всю ночь наши пешие и конные дозоры патрулировали в долине, а остальные люди расположились в сарае, служившем складом, имея наготове заряженное оружие.

Утро выдалось туманное. Поэтому все оставались на месте, пока туман полностью не рассеялся. После этого были разосланы во все стороны люди, чтобы произвести самую тщательную разведку. Было около девяти часов утра, когда разведчики, ничего не обнаружив, вернулись назад. Люди приступили к своим обязанностям: большинство занялось заготовкой дров для угля, для чего должно было порядочно углубиться в лес.

В то время экипаж двух судов составлял пятьдесят человек, а в этот день, случайно, в связи с разными нуждами, у судов остались считанные люди.

Я присел у огня, на котором готовился наш завтрак, и принялся пить mate, поданный мне поваром, единственным человеком, находившимся рядом со мной. У нас была деревенская кухня, устроенная под открытым небом примерно в сорока метрах от двери склада.

Внезапно, и как мне показалось у меня над головой, раздался выстрел и послышались крики. Оглянувшись, я увидел, что на нас неслась вражеская кавалерия. Я едва успел вскочить и, кинувшись со всех ног, добежать до входа в склад, как вражеская пика проткнула мой панчо (род американского плаща или накидки).

Наше счастье, что оставаясь всю ночь начеку, мы держали наши ружья заряженными, поставив их в козлы внутри помещения.

В это первое мгновение я один стал хватать ружья и стрелять в противника. Через минуту рядом со мной были бискаец Игнацио Бильбао и Лоренцо Н., генуэзец, – два смелых офицера, а затем Эдоардо Мутру, Раффаэле и Прокопио – мулат и негр (оба вольноотпущенники), а также наш боцман-мулат, которого звали Франсиско.

О, я хотел бы вспомнить имена всех тех четырнадцати храбрецов, которые несколько часов сражались со ста пятьюдесятью неприятельскими солдатами, убив и ранив немало из них и, наконец, заставив противника отступить.

У неприятеля было восемьдесят человек пехоты, состоявшей из австрийцев, которые обычно сопровождали Куницу в подобных операциях; эти солдаты хорошо действовали в пешем и в конном строю. Приблизившись, они спешили и окружили нас, используя неровности местности, кусты и хижины, раскинутые вокруг главного строения. Этот маневр неприятеля принес нам спасение.

Заняв позиции, солдаты противника открыли по нас ураганный огонь, сосредоточив его на главном входе в склад. Но как всегда бывает при внезапных нападениях, если атакующие замешкаются и не действуют решительно, им трудно добиться успеха. Если бы вместо того, чтобы укрепиться на позициях, противник бросился к складу и ворвался в него, все было бы кончено, ибо один или несколько человек не смогли бы, конечно, оказать сопротивление таким силам противника, тем более, что у склада были боковые двери (значительно более широкие, чем это требовалось для проезда груженных повозок), которые остались распахнутыми и которые мы не закрыли, чтобы не показать страха. Напрасно наши противники толпились у стен, напрасно они, взобравшись на крышу и разрушив ее, кидали на нас ее обломки и зажженные фашины. Выстрелами и ударами пик через сделанные нами отверстия мы согнали их с крыши, убив и ранив многих из них.

Чтобы противник подумал, что нас много, мы стали петь изо всех сил республиканской гимн Риу-Гранди: «Война, война! Против варваров-тиранов и против господ, не республиканцев!»

Двое наших людей из тех, кто посильней, размахивали копьями у каждой двери, выставив наружу их железные наконечники, что, конечно, отбивало охоту у нападающих атаковать нас. Около трех часов пополудни неприятель отступил, имея много убитых и раненых, среди которых был сам начальник с раздробленной рукой. У склада осталось семь трупов, еще несколько лежало на разном расстоянии.

У нас из четырнадцати человек было ранено восемь. Россетти, Луиджи и другие наши товарищи не смогли, к своему сожалению, помочь нам, ибо находились далеко или не были вооружены; одни, преследуемые противником, вынуждены были уйти через реку вплавь, другие скрылись в лесу. Один захваченный безоружным был убит.

Столь опасное и вместе с тем столь счастливо окончившееся сражение очень ободрило наших людей, а также жителей побережья, уже с давнего времени подверженного набегам этого смелого и хитрого противника.

Куница был, безусловно, лучшим из имперских военачальников, особенно по части внезапных нападений, которые ему удавались благодаря тому, что прекрасное знание страны и людей сочеталось у него с хитростью и полной неустрашимостью. Будучи выходцем из Риу-Гранди, он причинил много вреда республиканцам, и Бразильская империя во многом обязана ему покорением этой провинции. Итак, мы праздновали нашу победу, радуясь спасению от грозной опасности.

На эстансии донны Антонии одна молодая девушка с живейшим интересом выспрашивала известия обо мне; это доставило мне величайшую радость.

О, прекрасная дочь Континенте²⁵, я был бы счастлив принадлежать тебе во что бы то ни стало. Ты была предназначена другому, а мне судьба даровала другую бразилианку, единственную для меня в мире, которую теперь оплакиваю и буду оплакивать всю жизнь. Ту, которая узнала меня во время ужасов кораблекрушения, и которую мои несчастья, быть может, больше, нежели мои заслуги, привязали ко мне навсегда!

²⁵ Так называют провинцию Риу-Гранди.

Глава 15

Экспедиция в провинцию Санта-Катарина

После этого происшествия ничего особенно важного на озере Патус не случилось. Мы заложили два новых судна; то, что было необходимо для их постройки, мы взяли из остатков наших трофеев; кроме того, мы получили помощь от местного населения, которое всегда было по отношению к нам доброжелательно и отзывчиво. Когда два новых судна были построены и вооружены, нам предложили присоединиться у Итапуана к республиканской армии, которая осаждала тогда Порту-Алегри, главный город провинции.

Армия бездействовала из-за отсутствия артиллерии, да и мы не провели никаких операций за все время нашего пребывания в этой части озера.

Было решено направить экспедицию в провинцию Санта-Катарина. Я был приглашен принять в ней участие и должен был сопровождать генерала Канабарро, начальника всех отправлявшихся туда войск.

Два небольших судна остались на озере под командой Дзеффирино д'Утра, а я с двумя другими судами сопровождал дивизию Канабарро; ей предстояло действовать на суше, а мне – с моря. Со мной бы неразлучный Григг и отборная часть моих людей. Озеро Патус достигает в длину 135 миль при средней ширине от 15 до 20 миль. В том месте, где озеро впадает на востоке в океан, находится на правом берегу укрепленный город Риу-Гранди-ду-Суд, не уступающий по значению столице. На противоположной стороне озера расположен также сильно укрепленный пункт – Риу-Гранди-ду-Норти; оба эти города, равно как и Порту-Алегри, находились под властью имперских войск.

Поскольку противник контролировал единственный выход из озера в море, у нас не было возможности им воспользоваться. Поэтому нам пришлось построить повозки и взгромоздить на них суда. Из этого видно, каковы были размеры наших более крупных кораблей.

В северо-восточной части озера была глубокая бухта Капивари, название которой происходит от небольшой речки, впадающей в озеро в глубине бухты. Название же этой речки происходит от *sarivaga* – вида земноводной свиньи, водящейся в этих местах.

Эта-то речушка была избрана для того, чтобы причалить суда и установить их на повозки, что и было проделано на правом берегу.

Один житель этой части провинции, по имени Де Абреу, сделал восемь очень крепких колес, соединив каждые два осями, прочность которых была рассчитана на тяжесть судов. Затем, когда около двухсот волов были впряжены в упряжку, суда подошли к берегу, и мы разместили под ними в воде колеса на равном расстоянии друг от друга так, чтобы не нарушался центр тяжести. С боков под суда были подведены оси таким образом, чтобы они не мешали свободно вращаться колесам, и вот волы, впряженные с помощью крепких веревок, двинулись вперед, везя по полю республиканские суда. Приведенные затем в порядок с большой тщательностью, эти суда, к вящему изумлению редких в этих краях жителей, проехали без всякого затруднения на колесах пятьдесят четыре мили до берега озера Трамандай. Здесь они были сняты с повозок, оснащены всем необходимым и подготовлены к плаванию. Озеро Трамандай, образованное потоками, сбегаящими с восточного склона гор Эспиньясу, имеет выход в Атлантический океан. Однако эта протока очень мелка, так что во время приливов уровень воды достигает в ней всего около четырех футов. К тому же у этого аллювиального берега, негостеприимного, как пески Сахары, море никогда не бывает спокойно из-за ветра, постоянно дующего в тропическом поясе. Шум от свирепых бурунов слышен на расстоянии многих миль внутри материка, походя на отдаленные раскаты грома, а тучи водяной пыли и песка, поднятого ветром, слепят глаза.

Глава 16

Кораблекрушение

Готовые к отплытию, мы, дождавшись начала прилива, решили отправиться в четыре часа пополудни.

В этих обстоятельствах нам очень пригодился наш опыт плавания среди бурунов, иначе не знаю, как бы удалось вывести наши суда в море. Хотя мы и выбрали время, когда прилив достигал наибольшей высоты, глубина воды была недостаточной. Как бы то ни было, с наступлением ночи наши усилия увенчались полным успехом и мы бросили якорь в океане по другую сторону от этих страшных бурунов, примерно в шестистах метрах от берега. Заметим, что ни одно судно никогда ранее не выходило из озера Трамандай.

Около восьми часов вечера мы подняли паруса и поплыли при легком южном ветре, который мало-помалу крепчал, пока не разыгралась буря. На другой день в три часа пополудни мы потерпели кораблекрушение близ устья реки Арангуа. Шестнадцать моих товарищей утонули в океане, а находившийся под моей командой «Риу-Парду» разбился о страшные подводные скалы, находящиеся у этого берега.

С приближением вечера, когда мы отплыли из Трамандай, поднялся южный ветер, яростные порывы которого стали угрожать нам. Мы плыли параллельно берегу. «Риу-Парду», имевший на борту тридцать человек, двенадцатифунтовую пушку с вращающимся устройством, позволявшим вести огонь во всех направлениях, большое количество снаряжения и припасов для экипажа, взятых потому, что мы, конечно, не предвидели такого внезапного и страшного шторма и не знали, что нас ожидает в этой неприятельской земле, к которой мы собирались пристать, – «Риу-Парду», говорю я, оказался перегруженным; волны заливали его так, что несколько раз мы оказывались совершенно скрыты под водой. Маленькое судно оказалось в опасности: волны грозили с минуту на минуту опрокинуть и поглотить его. Поэтому я решил приблизиться к берегу и во что бы то ни стало пристать к нему. Но ветер и шторм, становившиеся все сильнее, не дали нам времени выбрать место: страшный вал опрокинул судно.

В тот момент я находился на верху фок-мачты, откуда надеялся выбрать место, где можно было бы с меньшей опасностью пристать к берегу. Судно повалилось на правый борт, вследствие чего меня отбросило в сторону на значительное расстояние. Я хорошо помню, что в этот страшный миг я не думал о смерти; меня мучила мысль, что многие мои товарищи, которые не были моряками, совсем лишились сил из-за морской болезни. Поэтому я стал вылавливать весла и другие нетонущие предметы, собирать их и подгонять к лежавшему на борту судну, крича своим людям, чтобы они схватились за какой-нибудь из этих предметов и, удерживаясь таким образом на поверхности, плыли с их помощью к берегу.

Первый, кого я увидел, был мой товарищ детства Эдоардо Матру, уцепившийся за ванты с той стороны судна, которая была погружена в воду и через которую мне удалось взобраться на борт. Я подтолкнул к Матру люк, которым закрывался трюм корабля, и посоветовал не отпускать его до тех пор, пока не удастся достичь где-нибудь берега.

Луиджи Карнилья, наш отважный боцман, находившийся в момент катастрофы у штурвала, крепко держался у борта с левой стороны кормы, которая находилась над водой. К несчастью, на нем была куртка из плотного сукна, которая стала очень тяжелой от пропитавшей ее воды и так стесняла его движения, что Луиджи, вынужденный крепко держаться, чтобы не быть сброшенным в море, оказался не в состоянии освободиться от нее. Карнилья крикнул мне об этом, и я поспешил на помощь своему Другу.

В кармане штанов у меня был маленький нож с белой рукояткой. Я выхватил его и, собрав все силы, стал разрезать воротник, который был из бархата. Окончив резать, я сделал еще одно усилие, чтобы распороть или разорвать эту проклятую куртку, как вдруг на нас обрушилась

страшная волна, которая разбила наше судно и сбросила в море всех, кто находился на борту. Меня бросило в глубину моря как камень; когда же я выплыл на поверхность, оглушенный ударом и задохнувшийся в водовороте, мой несчастный друг исчез навсегда.

Оглядевшись, я увидел часть моих товарищей, рассеянных по морю и старающихся вплавь добраться до берега, – решение, которое и я должен был принять, как и другие, чтобы спасти свою шкуру. Будучи с детства хорошим пловцом, я одним из первых достиг берега. Вступив на землю, я тотчас же обернулся, чтобы увидеть, какова судьба моих товарищей. Невдалеке я заметил Эдоардо. Люк, за который я посоветовал ему держаться, он выпустил, или скорее всего его вырвало у него из рук волной. Он еще плыл, но его судорожные затрудненные движения говорили, что у него уже нет сил. Я любил Эдоардо, как брата, и меня ужаснуло его отчаянное положение. Да, мне казалось, что в те времена я был более отзывчивым и великодушным. Годы и болезни иссушают и делают черствым даже сердце!

Я бросился к моему дорогому другу, чтобы подтолкнуть к нему какой-то кусок дерева, с помощью которого мне удалось спастись. Я уже был рядом с ним и, горя желанием спасти моего брата, добился бы своего. Каким бы счастьем это было для меня! Тщетная надежда! Волна накрыла нас обоих... Спустя минуту я вынырнул, позвал его, но Мутру не показывался, я звал его в отчаянии, но все было напрасно. Друг моего детства исчез в пучине того океана, который он не побоялся переплыть, чтобы присоединиться ко мне и служить делу народа. Еще один мученик за итальянскую свободу! И над ним не будет могильного камня, который бы указал место, где в песках Нового Света покоится его прах.

Шестнадцать наших товарищей постигла та же участь – они были поглощены морем. Их трупы были унесены течением за тридцать миль к северу и там погребены среди прибрежных песков. В числе шестнадцати погибших было шестеро итальянцев: Луиджи Карнилья, Эдоардо Мутру, Луиджи Стадерини, Джованни Д. и двое других, имен которых я не запомнил, все сильные и смелые молодые люди. Я был седьмым – единственным из итальянцев, кому удалось спастись!

Оставшиеся в живых четырнадцать человек один за другим выбрались на берег. Но тщетно я искал среди них кого-нибудь из итальянцев – все они погибли! Мне казалось, я остался один, в целом мире. Я терял рассудок, мне казалась почти обременительной сама жизнь, спасенная с таким трудом. Трудно найти объяснение тому, что многие из спасшихся не были моряками и даже плохо плавали.

Среди утонувших были и другие близкие мои товарищи: два вольноотпущенника, мулат и негр, Раффаэле и Прокопио, люди, не раз доказывавшие свою верность и отвагу.

Вместе с нами к берегу прибило бочонок водки. Мне показалось это милостью судьбы. Я сказал Мануэлю Родригесу, каталонскому офицеру, чтобы он открыл его и дал подкрепиться нам и тем, кто подплывал к берегу.

Занялись откупориванием бочонка, но тем временем мы совершенно окоченели от холода; к счастью, мы догадались, что нужно бегать. Если бы не это, мы, конечно, погибли бы от холода и изнеможения: дул резкий, пронизывающий ветер, и наша одежда была насквозь мокрой.

Мы бежали и бежали машинально вдоль берега в южном направлении, подбадривая друг друга. Берег моря стал круче и тем самым несколько заслони нас от порывов ветра. По внутреннему склону сбегала к северу небольшая река Аранангуа; на значительном расстоянии она протекала параллельно берегу, а затем, недалеко от того места, где мы находились, впадала в океан.

Итак мы двигались по правому берегу реки; пройдя примерно четыре мили, мы наткнулись на обитаемый дом, где нам оказали щедрое гостеприимство. Дом находился на опушке великолепного огромного бразильского леса, одного из величайших в мире, о котором я уже говорил. На небольшой поляне стояла эта хижина, в которой жили отец, мать и ребенок. Кру-

гом высились могучие старые деревья-великаны, а на одном конце поляны был маленький сад цитрусовых деревьев, самых прекрасных из тех, какие мне приходилось видеть, с апельсинами на ветвях – настоящее чудо! Для потерпевших кораблекрушение это был приятный сюрприз.

Глава 17

Нападение на город Лагуну и его захват

Нашему второму судну «Сейвал», которым командовал Григг, повезло больше. Он был ненамного крупнее «Риу-Парду», но, благодаря иной конструкции, мог выдержать бурю и благополучно продолжил свое плавание до назначенного места.

К нашему счастью, та часть провинции Санта-Катарина, в которой мы потерпели кораблекрушение, восстала против империи при известии о приближении республиканских войск, и поэтому мы нашли там друзей. Более того, нас встретили с радостью, и мы немедленно получили если не все необходимое, то во всяком случае все то, что эти щедрые люди были в состоянии предоставить нам.

Они тотчас же снабдили нас средствами транспорта, с помощью которых мы могли догнать авангард генерала Канабарро, находившийся под командованием полковника Тейксейра, который быстро двигался к Лагуне²⁶ с тем, чтобы захватить ее. И в самом деле, нам пришлось недолго задержаться у этого городка. Находившийся в нем гарнизон численностью около четырехсот человек отступил из города на север, а три небольших военных судна после непродолжительного сопротивления сдались.

Я перешел с моими людьми, спасшимися при кораблекрушении, на шхуну «Итапарика», вооруженную семью пушками. Судьба была так благосклонна к республиканцам в эти первые дни оккупации, что, казалось, ей доставляло удовольствие осыпать нас благодеяниями.

Имперские войска не знали об этом внезапном нападении и не допускали возможности его; но прослышав о планах этой экспедиции, они позаботились о том, чтобы направить в Лагуну оружие, военное снаряжение и солдат, которые прибыли уже после взятия нами города и потому попали к нам в руки.

Жители провинции отнеслись к нам как к братьям и освободителям, однако во время пребывания среди этого дружественного народа мы не смогли оправдать подобного отношения к нам.

Генерал Канабарро назначил свою ставку в городе Лагуна, который республиканцы называли Вилла Джулиана, поскольку он был завоеван в июле месяце. Я говорю завоеван потому, что в этом крае, с населением которого нам следовало обращаться по-братски, мы вели себя как завоеватели.

При нашем вступлении в город было создано провинциальное республиканское правительство, которое сначала возглавил священник, пользовавшийся высоким престижем у народа. Россетти, в качестве секретаря правительства, стал его подлинной душой: он был как будто создан для такой должности.

Все шло прекрасно: отважный офицер, полковник Тейксейра, со своим храбрым авангардом, преследуя бегущего противника, принудил его запереться в столице провинции и овладел затем большей частью ее территории и населенных пунктов.

Повсюду нас встречали с распростертыми объятиями; и мы принимали много дезертиров из имперской армии, которые переходили на службу республики.

Генерал Канабарро строил тысячи прекрасных планов. Это был честный и отважный воин-республиканец, немного грубый, но добрый человек, что он и доказал именно в это тревожное время.

²⁶ В лагуне Санта-Катарина находился город, называвшийся также Лагуна.

Он любил говорить, что из Лагуны выйдет гидра, которая проглотит империю; и быть может так бы оно и было, если бы эта удачная экспедиция проводилась с большей мудростью и предусмотрительностью.

Но наше высокомерное обращение с добрыми жителями провинции, которые сначала были нашими друзьями, а затем превратились в заклятых врагов, недостаток сил и средств, использованных в столь важной экспедиции, а также недоброжелательное отношение и, возможно, зависть к нашему генералу со стороны тех, кто должен был оказывать ему всемерную поддержку и помощь, – все это явилось причиной того, что мы лишились плодов блистательной кампании, которая могла привести к падению империи и утверждению республики на всем американском континенте.

Глава 18

Влюбленный

Генерал Канабарро решил, чтобы я отправился из Лагуны с тремя вооруженными судами для нападения на имперские войска у берегов Бразилии. Я приготовился к выполнению этого задания, запасшись необходимым вооружением.

В этот период времени произошло одно из важнейших событий в моей жизни.

Я никогда не помышлял о браке и считал, что не создан для него из-за независимости своего характера и склонности к жизни, полной приключений. Иметь жену, детей казалось мне совершенно неуместным для человека, целиком посвятившего себя борьбе за осуществление своих идей, борьбе, которая (как бы она ни была успешна), требуя от меня напряжения всех сил, делала невозможным душевное спокойствие, необходимое для отца семейства. Однако судьба решила иначе.

Потеряв Луиджи, Эдоардо и других своих соотечественников, я остался совершенно одинок. Мне казалось, что я один в целом мире! У меня не осталось больше никого из друзей, которые в этих далеких краях как бы заменяли мне родину. Я не был близок ни с одним из моих новых товарищей, которых едва знал, и у меня не было друга, в котором я постоянно нуждался. К тому же случившееся было так внезапно и ужасно, что оно глубоко потрясло меня.

Россетти, единственный, кто мог заполнить образовавшуюся в моем сердце пустоту, был далеко, выполняя свои обязанности в правительстве нового республиканского государства, и потому я был лишен его братской поддержки. Следовательно, мне нужен был человек, который бы полюбил меня, и притом сразу, и был неразлучен со мною; без этого мое существование становилось невыносимым.

Не будучи старым, я все же достаточно хорошо знал людей, чтобы понять, как важно найти истинного друга.

Мне нужна была подруга, именно подруга, ибо я всегда считал, что женщина – совершеннейшее из созданий! И что бы ни говорили, среди них бесконечно легче найти любящее сердце.

Погруженный в эти печальные мысли, я ходил по корме «Итапарика». Обдумав все, я решил, наконец, найти себе подругу, которая помогла бы мне избавиться от невыносимой тоски.

Случайно мой взгляд привлекли к себе несколько простых домиков, живописно раскинувшихся у подножья довольно высокого холма Барра (на южном берегу у входа в лагуну). В подзорную трубу, которую я обычно имел при себе, когда находился на палубе, я заметил там молодую девушку. Я велел пристать к берегу и направился к домам, где должна была находиться та, ради которой я пришел, но мне не удалось сразу найти ее. Я повстречал местного жителя, с которым познакомился в первый момент нашего прибытия. Он пригласил меня зайти к нему в дом выпить кофе. Мы вошли, и первая, кого я увидел, была та, которая заставила меня сойти на берег. Это была Анита, впоследствии мать моих детей, верная подруга жизни, делившая со мной радость и горе. Женщина, чьей смелости я не раз завидовал! Несколько мгновений мы стояли неподвижно, молча вглядываясь друг в друга, как люди, которые видятся не в первый раз и стараются найти в облике друг друга какие-то черты, облегчающие воспоминание. Наконец, я приветствовал ее и сказал: «ты будешь моей!» Плохо зная португальский язык, я произнес эти дерзкие слова по-итальянски. Как бы то ни было в моей дерзости было что-то притягательное. Я завязал узел, я скрепил союз, который могла разорвать одна только смерть! Итак, я нашел запретное сокровище, но как оно было драгоценно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.